

Кирдина С. Г., д.с.н.

Преемственность в российской экономической теории: от Посошкова до институционализма

Согласимся, что обозреть развитие экономической мысли России за последние 300 лет - непосильная по масштабам и сложности для одного человека задача. Вслед за Екклесиастом можно лишь повторить, что «Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*»(1). Поэтому, понимая собственные ограничения и пределы, представим лишь некоторые замеченные тенденции. Те тенденции, которые позволяют, тем не менее, выделить национальную экономическую мысль как самостоятельное особенное явление и осознанно говорить о российской экономической школе, которая имеет собственные результаты и теоретические достижения.

1. Методология доказательства

Для того, чтобы показать наличие российской школы экономической мысли, выдвинем и попробуем доказать гипотезу о преемственности характерных черт, свойственных способу теоретизирования относимых к этой школе исследователей. К таким воспроизводимым чертам можно отнести:

- размышление в рамках так называемой **объективистской парадигмы**, признающей естественный, объективно существующий характер хозяйственных процессов, «неконструируемость» людьми существующих экономических законов;
- **социальность**, а точнее, социологический характер экономических представлений, выход за пределы собственно хозяйства при анализе экономических проблем;
- рассмотрение экономических явлений не с позиции западного «методологического индивидуализма», когда в центре исследования находится homo economicus, а в контексте массовых и институциональных процессов, т.е. **холистический подход**;

констатация наличия «**другой экономики**» с присущими ей экономическими законами, отличающейся от европейской.

Исходно наша гипотеза опирается на оценки ряда исследователей, занимавшихся анализом российской экономической мысли, в том числе и представленных на страницах настоящей книги. В данном очерке предпринимается попытка более строго доказать и показать на дополнительном материале своеобразие российской экономической школы, которое обособляет ее от множества других направлений.

Следует подчеркнуть, что не все исследования и концепции, развиваемые в России или «записанные» за российскими учеными, характеризуются названными чертами. Другими словами, в самой России всегда были представлены самые разнообразные течения экономической мысли - от меркантилистов в XVIII веке до неoinституционалистов в XXI веке. Мы же постараемся из всего их множества представить такие, на примере которых наиболее отчетливо можно доказать утверждение об особенной российской экономической школе.

Какую же методологию мы выберем, чтобы доказать выдвинутую гипотезу?

Во-первых, будет использован выборочный метод. Это означает, что из всего множества имен и концепций будет выбрано лишь несколько, которые и будут рассматриваться в качестве типичных, в концентрированном виде выражающих искомые черты. Преимущество будем отдавать выбору «чистых случаев», когда оригинальность и российский характер происхождения концепций являются общепризнанными, несмотря на ведущуюся по их поводу дискуссию или критику выдвигаемых в них положений.

Во-вторых, объектом анализа будут являться не взгляды или отдельные работы тех или иных авторов, а относительно законченные, целостные труды, концепции, теории. При этом мы сконцентрируемся на трудах, посвященных не частным экономическим процессам или сферам, но ставящие своей целью рассмотрение экономики с позиций системного обществоведческого видения.

В-третьих, используем хронологический подход, то есть анализируемые концепции будут относиться к разным периодам времени. Хронологические рамки исследования – начало XVIII века, когда появляются первые экономические работы, и наша современность, то есть рубеж XX-XXI веков. Тем самым сделана попытка охватить весь период существования реальной экономической науки в стране.

В-четвертых, мы используем, если можно так сказать, первичный анализ документов, то есть сверяться каждый раз будем с оригинальными авторскими текстами. Вторичный анализ, то есть разбор мнения других исследователей о тех или иных работах, или взгляды и комментарии последователей, будут применяться лишь ограниченно.

В соответствии с названными критериями были выбраны три работы, или концепции, которые составят основной предмет анализа в настоящей главе.

В качестве первой концептуальной схемы, с которой, на наш взгляд, можно «начинать отсчет» российской экономической школы, выбраны взгляды Ивана Тихоновича Посошкова. Наиболее полно они представлены в его солидном труде *«Книга о скудости и богатстве» 1724 г.*, который он собственноручно писал три года и представил затем государю Петру I. Почему именно эта работа?

Наука в России, официально начавшись с учреждения «Академии наук и курьезных художеств» в 1724 г., была представлена в тот период и многие последующие годы исключительно академиками-немцами, то есть иностранцами. Соответственно, первые работы по экономике были переведенными трудами с немецкого, а также английского и французского языков. С тех пор и донныне российская экономическая наука постоянно оперирует преимущественно понятиями западной экономической теории - начиная с физиократов, Адама Смита и Сисмонди, продолжая Марксом и заканчивая современными институционалистами.

И. Т. Посошков написал свой знаменитый труд до начала распространения в нашем отечестве заимствованных зарубежных теорий, «при отсутствии знакомства хотя бы с начатками западно-европейской экономической науки», как отмечается в известном энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Поэтому его исследование является не только первым, но и «чистым образцом» российской экономической мысли. В то же время оно является успешной, как это не раз отмечалось (2), попыткой анализа устройства всего российского общества, что соответствует заявленным критериям отбора анализируемых работ.

Двигаясь дальше по оси времени и осматриваясь в интеллектуальном пространстве XVIII и XIX веков, обнаружим, что найти здесь работы, отвечающие нашим критериям, довольно трудно. Связано это, по-видимому, с тем, что в эти столетия культура и наука России через «прорубленное Петром I окно в Европу» активно впитывали новые образцы, теории, взгляды. Поэтому данный период характеризуется преимущественно освоением заимствованных продуктов, а не собственными, так сказать, разработками. Пушкин (который сам был гениальным исключением из этого общего правила) так сказал о своем времени, и это справедливо, на наш взгляд, в отношении всего XVIII-го века: «ученость, политика и философия еще по-русски не существует..., все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке» (3).

Зарубежная экономическая теория служила, с одной стороны, формой осмысления экономической реальности России в иных, заимствованных категориях. С другой стороны, она выступала основанием для критики российских порядков, отклонявшихся от «правильного», теорией описанного способа ведения хозяйства. Но анализ реальности не стал в те годы основой для формирования собственных концепций. Критика крепостничества и существующей системы носила преимущественно эмоциональный, гуманистический характер. Фигура барина, варварски эксплуатирующего подневольный

труд крестьян, загораживала собой реальные экономические отношения, что затрудняло их бесстрастный анализ.

Та же по сути ситуация характерна и для следующего века. По-прежнему в умах господствуют зарубежные экономические теории, хотя одновременно возрастает неудовлетворенность их «разрешительной силой» в отношении России. XIX век был емко обозначен Блоком как «Век расшибанья лбов о стену Экономических доктрин...» (4). Этот меткий поэтический образ отражает реальное состояние экономической отечественной мысли. Активно предпринимались попытки формирования самостоятельных подходов, поскольку, российские ученые, осваивая теоретические достижения Запада, все более понимали их или пагубность, или неприменимость в национальном контексте.

Несколько десятилетий теоретической, а главное, практической работы, потребовалось для того, чтобы на основе одной из таких заимствованных доктрин, а именно – марксизма, в нашей стране сформировалось, наконец, собственное оригинальное учение, которое было названо «политической экономией социализма». Квинтэссенция данной концепции изложена в первом учебнике по политической экономии социализма, вернее, в предварившей его появлению работе И. В. Сталина *«Экономические проблемы социализма в СССР»* 1952 г.. Именно в этой статье, написанной в завершение дискуссии по поводу подготовки учебника, четко обозначены основные положения нового учения.

Это сочинение Сталина является второй анализируемой в главе работой, на основе которой определяются характерные черты российской школы экономической мысли. Попытаемся здесь «отделить зерна от плевел», то есть спокойно проанализировать выдвигаемые положения независимо от того, с какими потерями или преимуществами они были реализованы в социальной практике страны. Возможно ли это? Мы полагаем, что да. Так же, как можно разделить инквизицию и христианство в Европе, историю освоения Дикого Запада и стройность Конституции США и так далее. Попробуем вдохновиться этими примерами для того, чтобы провести аналогичный анализ и в своей стране.

Работа Сталина отвечает заявленным критериям, поскольку она содержит положения действительно оригинальной теории, являющейся плодом коллективных размышлений ученых относительно особенностей устройства советского общества. В ней концептуализируются социальные основы и особенности экономического порядка в максимальной его полноте и достаточно широком контексте. Долгое время именно политическая экономия социализма, разработанная в России, являлась достижением отечественного обществоведения, признанным во всем мире как ее сторонниками, так и противниками.

Но время идет вперед, и необходимы новые концепции. Представлены ли они в современном российском обществоведении? На наш взгляд, нынешняя ситуация в определенной мере повторяет закономерности предшествующих переходных периодов. Вновь идет активное освоение разнообразного зарубежного знания, столь желанного после тотального идеологического плена, развернулась критика существовавших и формирующихся порядков, активизируется обсуждение канувших, казалось, в историю, отечественных концепций (5).

Наиболее мощное обновление российского обществоведения связано, на наш взгляд, с развитием и адаптацией нашими учеными идей институционализма и нео-институционализма (6). Если в Большой советской энциклопедии 1953 г. институционалисты изобличались как «наиболее злобные враги рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии» (7), то спустя полвека они являются наиболее цитируемыми и изучаемыми авторами в экономической и социальной науке России. Использование институционального подхода имеет, на наш взгляд, три доминирующих сферы. Первая из них – роль новых институтов в трансформации российского общества, анализ их приживаемости (8). Второе направление связано с развитием характерной для западных концепций предпосылки «методологического индивидуализма². Следствием этой посылки является преимущественное внимание к процессам на микро-уровне, к локальным порядкам, «оставив в стороне макромоделю, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества (9)..

Третье направление, наиболее интересное с точки зрения поставленных нами задач, связано с попытками построения новых институциональных макро-теорий для российского общества. В последние годы такие исследования активно проводились новосибирскими учеными. Если для многих современных исследователей характерной является «неудовлетворенность социетальными структуралистскими подходами» (10), то в работах сотрудников отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства из новосибирского Академгородка именно эти подходы получили свое развитие. В продолжение ранее проводившихся исследований общества как системы, с выделением регулирующих его развитие социальных и социетальных механизмов (11), здесь были развернуты работы по исследованию специфики российского общества на основе категориального аппарата общих институциональных теорий. Так, анализу институциональной макроструктуры российского общества посвящены ведущиеся в коллективе работы в области *теории раздаточной экономики*, или институциональной теории хозяйственного развития России (12), а также разработка теоретической гипотезы об *институциональных матрицах* (13). В рамках последней

гипотезы выделяются стабильные базовые экономические, политические и идеологические институты, обеспечивающие сохранение и функционирование социума. Они формируют его институциональную матрицу. Здесь же анализируются изменчивые, мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях. Концепция институциональных матриц будет рассмотрена в качестве третьей из работ, на основе которых в настоящем очерке исследуются воспроизводящиеся особенности российской экономической школы.

Почему именно эта концепция? Потому что среди известных нам современных работ она, по нашему мнению, в наибольшей степени удовлетворяет заявленным критериям. Почему? Во-первых, объектом рассмотрения в данном случае являются экономические отношения в широком социальном контексте, поскольку исходно концепция институциональных матриц имеет социологическое происхождение. Во-вторых, необходимо, чтобы излагалась не частная, а достаточно общая целостная концепция (теория). Указанная работа отвечает этим требованиям, что признается и сторонниками (14), и критиками теории институциональных матриц (15). В-третьих, данная концепция является, несомненно, российским изобретением (16), хотя использует и развивает многие известные понятия мировой социальной и экономической науки.

Итак, приступим к рассмотрению отобранных работ, в которых отражен ход размышлений российских исследователей в XVIII, XX и XXI веках. Используем диахронический метод изложения («сквозь время»), при котором развертывание тех или иных характеристик предъясняется через реальную историческую последовательность изучаемых явлений. Поэтому начнем рассмотрение образцов российской экономической мысли с ее истоков, то есть с первой из названных работ.

При этом отметим, что схема развертывания заявленной логики отражает не только естественный ход событий, но и отношение автора, отобравшей «с высоты сегодняшнего дня» и своих методологических представлений, лишь отдельные черты исследуемых интеллектуальных продуктов. А именно, выбранные работы анализируются, прежде всего, на предмет преемственности тех черт, которые мы определяем как характерные особенности российской школы экономической мысли. Такими чертами, напомним, предположительно являются четыре:

-]- во-первых, объективистская парадигма, то есть признание объективного материалистического характера экономических законов,
- во-вторых, широкий социальный контекст и социологическое видение экономических процессов,

- в-третьих, фокусирование внимания на коллективных действиях и общих правилах в противовес «методологическому индивидуализму», характеризующему западную экономическую мысль,

- в-четвертых, выделение специфических экономических законов и институтов, позволяющих видеть наличие в России «другой экономики», не укладывающейся в западные экономические стандарты.

Доказательству наличия этих черт, а также их последовательного развертывания и углубления в выбранных работах, посвящается дальнейшая часть настоящей главы.

2. «Духовная политическая экономия» Ивана Посошкова

Наследие И. Т. Посошкова, признаваемого с 1842 г. первым русским экономистом (именно в этом году М. Погодин впервые напечатал его главную работу – «Книгу о скудости и богатстве»), постоянно анализируется с разнообразных методологических позиций. К нему примеряют положения современных ему меркантилистов, упрекают в приверженности идеям физиократов, описывают его выводы как образец анализа «феодалных отношений» и т.д. Но насколько правомерно помещать концептуальное видение Ивана Посошкова в рамки конкретных, а часто чуждых ему методологических концепций? Не являются ли они для него «прокрустовым ложем», в котором пропадает живое, нестандартное, иное содержание его политической экономии?

Попробуем провести разбор замечательной работы нашего соотечественника, не навешивая ему известных идеологических ярлыков. Будем анализировать его собственный «утаенно от зрения людского трелетным трудом» написанный текст лишь с точки зрения представленности в нем отмеченных выше акцентов, характеризующих специфику самостоятельной российской экономической мысли.

В свое время Н. Павлов-Сильванский, исследовавший труды и доношения так называемых «прожектеров» петровской эпохи, делил их на два типа. Он различал среди них крайних западников, знакомых по личным впечатлениям с Западной Европой и предлагавших широко использовать западноевропейский опыт в области государственных учреждений, экономики, техники и культуры. Другую группу авторов прожектов он называет «московскими прогрессистами». Эти люди сочувствовали лишь некоторым сторонам деятельности петровского правительства, внедрявшего европейские правила, являясь более приверженцами сложившихся традиций «московской старины». К числу «московских прогрессистов» Н. Павлов-Сильванский относил и Посошкова (17).. Полагаем, что справедливо согласиться с такой оценкой Павлова-Сильванского.

Действительно, являясь «прожектером», то есть лицом, подающим царю доношение об улучшении тех или иных сторон государственной жизни (очень популярный вид деятельности в петровские времена, спровоцировавшей всплеск инициативы всех слоев населения в самых разных направлениях), Посошков не выходит за рамки «естественных предложений». Как правило, он формулирует их, исходя из сложившегося порядка, отмечая необходимость дать ему проявиться в полной мере.

Характерно его обоснование улучшений в земельных делах. «Землю сотворил бог недвижиму и владение земли, аще и переходит из рук в руки, обаче она стоит неподвижно. Того ради и аще побор с нея учинить, может он недвижим быть и состоятелен он будет» (18). То же и в отношении других его рекомендаций. Он апеллирует к установленным Богом правилам, которым и надо следовать. В данном случае это не только и не столько обычная дань официальной идеологии, которой грешат рекомендации представителей общественных наук во все времена. Читая труд Посошкова, нельзя не почувствовать его веру в то, что жизнь развивается «по правде». Именно поэтому он надеется быть услышанным. Отмеченные им многочисленные проблемы не отменяют естественного хода ощущаемого им порядка, они лишь досадно тормозят его.

Поэтому труд Посошкова, человека несомненно верующего, может, на наш взгляд, рассматриваться как пример рассуждений в рамках объективистской, материалистической парадигмы, характеризующей школу российской экономической мысли. Его отличает приятие в целом сложившихся установлений, он не согласен с необходимостью коренных преобразований, о которых часто и поверхностно говорят люди, увидевшие где-то нечто и не задумывающиеся о том, насколько это применимо в данных условиях. Посошков рассуждает именно применительно к данным условиям, признавая естественный характер окружающей его реальности.

Специфика его широкого подхода к анализу хозяйственных процессов делает неправомерным отнесение Посошкова к известным и, как правило, «узконаправленным» экономическим школам – меркантилистам или физиократам. Его подход, на наш взгляд, можно назвать социальным, вернее, социологическим. Почему социологическим? Потому что именно социология выделяет экономику, наряду с политикой и культурой (идеологией) как одну из общественных подсистем. Тем самым в социологии экономические отношения априори вписываются в контекст общественной жизни, рассматриваются одной из сторон функционирования социума как единого целого. Соответственно, анализ экономических проблем становится невозможным без одновременного рассмотрения особенностей политических и культурных компонентов данного общества: они и дают ключ к пониманию сущности хозяйственных процессов, и

одновременно являются их логическим социальным продолжением. Именно такой подход представлен в работе Посошкова «Книга о скудости и богатстве».

Действительно, первая глава книги называется «О духовности». С самого начала своего труда Посошков обращает наше внимание на духовные, культурные основания российской жизни. «Первее же предложим расположение о духовном направлении...» (19), - пишет он, полагая невозможным без этого рассуждать о хозяйственных делах. Объектом рассмотрения для него служит главное духовное и идеологическое основание социальной жизни российского государства того времени – религия православия. Посошков рассуждает о роли православия и важности авторитета его служителей. Понимая значение общей идеологической платформы для единства общества, он озабочен распространением и укреплением православной веры в России. В качестве конкретного шага он предлагает обязательное и повсеместное внедрение образцового, по его мнению, труда «Камень веры», где «правильно» изложены основы православия. «И ради утверждения в вере и ради охранения от лютеранския и калвинския и от прочих иконоборцев напечатать книг, колико надлежит, «Камень веры», иже блаженные памяти преосвященный резанский митрополит Стефан Еворский сочинил, и книг по пяти-шти в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающии презвитерства затвердили его на память...» (20). Здесь мы видим и осознание важности Посошковым духовной сферы, и заинтересованность в ее развитии путем распространения общих идеологических стандартов.

Не меньшее внимание обращает Посошков на устройство политической жизни. Отдельная, третья глава его работы – «О правосудии». Но замечания по поводу проблем и усовершенствования того, что традиционно называют политической сферой, присутствуют и в других главах его работы, например, «О купечестве» или «О царском интересе». Он рассматривает вопросы представительства разных групп населения в решении важных государственных вопросов и предлагает процедуры их участия, высказывается о правах и обязанностях граждан в хозяйственной сфере и управлении, дает рекомендации по созданию необходимых, на его взгляд, звеньях управленческой системы, позволяющих четко реализовать общегосударственный, или царский, как Посошков его называет, интерес.

Особенностью подхода Посошкова является поиск необходимого баланса между сохранением централизованного начала, выражаемого властью государя, и волеизъявлением всего населения, без чего невозможно, по его мнению эффективное управление таким огромным хозяйством. Посошков считает необходимым узаконить

норму «совершенного общесоветия» при принятии законов, судебника, Уложения. Такая процедура может выступать своеобразным механизмом «обратной связи» в системе централизованного управления. С одной стороны, через этот механизм осуществляется перцепция новых легитимных правил всеми теми, кому они адресованы, то есть «освидетельствование» новых законов «вольным голосом». «И написав тыя новосочиненные пункты, всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением» (21, принятие этих статей. С другой стороны, через предлагаемую процедуру возможно проводить усовершенствование законодательства, если этого не успевают сделать центральная власть. Так, например, если какого важного для жизни указа нет, то новые статьи «написать и изложить по его государеву указу общим советом» (22). Более того, «И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякого сумнения написал бы, что в ней неправости, и ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучше чует, нежели во ином ком» (23). Отчетливо прослеживается стремление Посошкова превратить этот путь в систему, в государственный институт, в общее правило всей политической жизни страны, ибо, как он пишет, «И того ради без многосоветия и без вольного голоса никоимы дела невозможно...» (24).

Но, внимательно вчитываясь в текст его книги, понимаешь, что предложения Посошкова о «многосоветии» и «вольном голосе» выступают как дополнительные мероприятия, не заменяющие, но усиливающие, поддерживающие централизацию власти. Наиболее отчетливо его представление о верховенстве централизованного начала в политической системе России просматривается при разборе судебной системы. Посошков убежден, что судебная власть не может доминировать в российской империи, и полагает, что над судами должен быть государь «И ради самая твердости в судах и во всяком правлении, чтобы от правосудия ни много, ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самый ближней и верной царю. Еже был он бы око царево, верное око, иже бы над всеми судьями и правителями был вышний и за всякими бы правителями смотрел властительно и никого бы кроме бога да его и.в. [Императорского Величества – С. К.] не боялся...И у всех коллег и у канцелярий прибить печатные листы со изъявлением таким: буде судья или подьячей какую учинит в деле неправду, то приходили бы в тое канцелярию, то всякому лицу будет там управа» (25).

На наш взгляд, можно уверенно говорить, что для Посошкова экономическая действительность неотрывна от действующих в обществе политических и нравственных законов. Если Адам Смит по праву считается основоположником «политической

экономии», то об Иване Посошкове можно говорить как об основоположнике «духовной политической экономии», где экономика, политика и духовная жизнь, идеология выступают равноправными координатами рассмотрения общества. Концентрируясь на анализе хозяйства, он не выпускает из виду его взаимосвязи с этими общественными подсистемами. Тем самым мы считаем Посошкова первым выразителем общесоциологического взгляда на экономические процессы, что характеризует особенности начавшейся с его трудов российской школы экономической мысли.

Третьей особенностью мышления Посошкова, характерной для теорий российских экономистов, является акцент на действиях больших социальных групп людей и общих правил, на анализе социального целого, а не на поведении отдельного «экономического человека». Западные экономисты, развивая сложившуюся еще в античные времена традицию, выводят экономические и социальные законы из природы человека, его рациональности, индивидуального интереса. Согласно их методологии, именно достижение этих интересов и формирует, в конечном счете, структуру складывающейся в обществах институциональной среды. Иной подход в рассуждениях Посошкова. Рассматривая, казалось бы, конкретные вопросы межевания земель или организации торговых мест, мероприятия по развитию промышленности или художеств, он смотрит на это сквозь призму государственного, общероссийского интереса. Не случайно девятая, заключительная глава, которой он завершает свое изложение, – это глава «О царском интересе». Царь здесь, на наш взгляд, выступает своеобразным актором, персонифицирующем казенный общероссийский интерес.

Соответственно, законы социального поведения дворянства, купечества, крестьян или духовенства Посошков выводит из того, насколько оно содействует достижению этого общего интереса, и этим продиктован характер его рекомендаций. Примером может служить уже упомянутое предложение о распространении среди священнослужителей книги «Камень веры», чтобы на ее основе укреплять единство православия в стране. Другими примерами являются предложения Посошкова по улучшению экономических порядков, которые будут рассмотрены ниже.

Четвертой особенностью наследия первого русского экономиста, и наиболее, на наш взгляд, важной, определяющей, в конечном счете, вклад российской экономической школы в мировую науку, является рассмотрение хозяйства России как принципиально иной экономики, в которой действуют качественно отличные от европейских стран хозяйственные законы и категории.

Прежде всего, это касается отношений собственности. Посошков подчеркивает в своем труде общегосударственный, «царский» характер собственности как на средства

производства (представленной в тот период преимущественно землей), так и на рабочую силу (крестьян). Рассуждая об ограничении прав помещиков распоряжаться пожалованной им землей под условие «государевой службы», Посошков пишет: «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время, того ради и царю воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная» (26). То же пишет он и о крестьянах: «Крестьянам помещики не вековые владельцы..., а прямой им владетель всероссийский самодержец, они владеют временно» (27), «Помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые» (28).

Опираясь на эти цитаты, ряд исследователей полагают, что Посошков отмечает феодальный характер помещичьего землевладения (29), сохранившийся в отсталой по сравнению с Западной Европой, Руси. На наш взгляд, это весьма поверхностное суждение. Сущностью феодализма является, как известно, развитие и укрепление частно-правовых отношений. Они выражались в распространении *иммунитетов*, фиксирующих закрепление земли, судебных и налоговых функций за отдельными собственниками. Не случайно феодализм рассматривается как закономерная фаза в развитии товарного производства и рыночных экономик, что доказал в своей концепции К. Маркс. Понятие феодализма в экономической жизни почти синонимично понятию раздробленности, хозяйственного обособления. Посошков же, наоборот, подчеркивает единый характер собственности в стране, независимо от того, за какими экономическими акторами она закреплена. Из этого вытекает как возможность установления единых правил ее использования, так и необходимость централизованного контроля за исполнением этих правил, чтобы соблюдался «государственный интерес».

Убедительным доказательством именно такого взгляда Посошкова на устройство хозяйственной жизни в России служат его предложения по развитию торговли, промышленности и денежному обороту.

Посошков, который сам был купцом и которого часто рассматривают как выразителя интересов купеческого класса, был, на наш взгляд, человеком прежде всего государственным и настоящим мыслителем. Он смотрел на экономику страны как на единое пространство. Соответственно, он понимал, что все процессы в нем не могут не осуществляться по общим, естественно сложившимся законам. То, что Посошков полагал необходимым для эффективного использования государственной собственности, то же он полагал необходимым реализовать и в торговле. Так, он имел стремление к тому, чтобы купцы торговали строго организованно и «с воли командира своего и по согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи русские товары, как богатые, так и убогие, с воли командира своего по общему согласию

кампанства, чтобы никому обиды не было» (30). Также он считает возможным проведение единообразной политики в отношении привозимых товаров, «Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезенные их товары цену налагать» (31).

Пожалуй, более всего несовпадение взглядов Посошкова и положений классической политэкономии обнаруживается при обсуждении способов ценообразования. Он являлся убежденным сторонником однообразной указной цены, предписанной властями, называя ее «установленной ценой». Для поддержания этой цены Посошков считал необходимым вменить в обязанность сотским и десятским наблюдать, чтобы торговцы «цену брали ... по чему коему товару цена положена» (32).

Механизм ценообразования обнаруживается им не в рыночных обменах, а выводится из специфики экономического и политического устройства России, имеющего централизованный характер. Вот как он об этом пишет: «Царь наш не купец, но самодержавны повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно и нимало ни направо, ни налево неподвижно. Яко бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвалной и чтобы меры везде равные, и цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, тако и в недородном» (33).. На все товары следует «положить цена установленная, чтобы она какова была в первой лавке, такова бы и в последней» (34), то есть считал, что можно «цену устанавливать царским указом, а не мужичьим уставом» (35). Непонимание такого подхода выражали даже современники Посошкова. Так, на страницах его рукописи обнаружена помета, сделанная неизвестным возмущенным читателем: «Старик, нельзя одной цены уставить, веть товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьошь!» (36). Интересно, что бы сказал этот читатель, узнав, что спустя почти 300 лет в его родном отечестве действует именно такой порядок, когда правительство устанавливает обязательную единую цену, или тарифы, на электроэнергию по всей огромной стране?

По-иному смотрит Посошков и на место торговли в системе экономических отношений. Если в западных экономиках торговля (в широком смысле) составляет ее суть, то в России, полагает Посошков, торговля должна быть обособлена и контролируема. Так, кто захочет торговать, «то надлежит им прежний свой чин оставить и записаться в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом... И без согласия купеческого командира утайкою ничего по прежнему, воровски, ничего не делать и пошлинного платежа ни малого числа не таить» (37). Соответственно, показательно его – русского купца - отношение к конкуренции, традиционно полагаемой двигателем торговли и всего рыночного механизма. Вот как он высказывается на эту тему в другом

своем сочинении «Завещание отеческое к сыну», где советует тому, если он вступит в купечество, следующее: «Купцов от чужих лавок не перебивай и товару своего, аще и добр, не весьма выхвалявай» (38). А как же конкуренция, спросим мы?

Последовательно реализуя свое понимание экономического строя России, Посошков по иному смотрит и на роль денег. В его понятиях ценность денег определяется государственной властью. «И тыи иноземцы хошут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенного товара». У нас же деньги надобно бы сличать по власти королевской» (39), «И делать бы их не по иноземчески, по цене меди, но по изволению его и.в.» (40)..

Не вдаваясь в детальное обсуждение сложнейшей проблемы денежного хозяйства (до сих пор внятно не разрешенной российской экономической наукой), нельзя не отметить взаимосвязь денежного вопроса у Посошкова со всеми экономическими, политическими и нравственными устоями российского общества. Завещанное им понимание российских денег «с учетом особенностей экономики, в условиях которой они функционируют» (41), начинает реализовываться, на наш взгляд, лишь в последние годы.

Исходя из своих взглядов на сущность российского экономического порядка, Посошков дает рекомендации по самым разным вопросам. Некоторые из них мы можем увидеть осуществленными спустя столетия, естественно, в модернизированной форме. Так, мы осуществили предложенную им государственную монополию внешней торговли. В полной мере была реализована система планирования посредством нормативов, которые Посошков в свое время называл уроками («И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в художных делах, как в русских, так и иноземцах, надобно такожде учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж» (42). Решается задача размежевания всей российской земли по единым правилам и закрепления этого межевания «в книгах чертежных», чтобы затем «и положить их одну в Москве, а другу в Санкт-Петербурге, а третью в том городе, коему та земля присудна» (43).

На наш взгляд, и разбор концепции, и практическая реализация предложений нашего первого экономиста показывают, что суть и особенности российской экономической системы ухвачены им весьма верно. Он точно показал, что природа экономики в России носит отличающийся от европейских экономик характер, и это требует, как бы мы сегодня сказали, «построения необходимого, специального понятийного аппарата».

Таким образом, работу Посошкова можно считать первой в ряду исследований российской экономической школы, отличительными особенностями которой являются

объективистское мышление, социологическое видение экономических процессов, холистический подход и выявление «другой экономики».

3. Политическая экономия социализма в СССР

Перейдем к анализу второй работы в нашей выборке, где изложены основы теоретической концепции, получившей название «политическая экономия социализма». Корни политэкономии социализма традиционно и справедливо усматривают в марксистском учении о коммунизме. На это прямо указывали и сами разработчики ее основных положений, и многочисленные последователи. В то же время – и это также справедливо, - данное учение устойчиво рассматривается как теоретическое достижение советской эпохи, продукт практической реализации заимствованных положений в конкретных условиях, что обогатило и в ряде позиций существенно изменило исходный образец. Само название указывает на то, что это – иная доктрина. Именно поэтому возникла в начале 1950-х годов идея написания специального учебника, в котором необходимо было изложить основные положения новой экономической теории, – работ Маркса и Ленина уже оказывалось недостаточно.

Пришло ли время для академического разбора положений этой доктрины, составлявшей идеологический базис советского общества? Общества, в оценке которого еще не достигнуто консенсуса – для одних это «мрачное прошлое», для других – «неудавшийся социальный эксперимент», для третьих – «время великих свершений». Для того, чтобы это понять, надо сделать попытку. Попробуем представить такой анализ и посмотрим, что за этим последует.

Продолжим следование выбранному подходу и вновь обратимся к первоисточникам. В данном случае им является хрестоматийная работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (44), в которой он подводил итоги дискуссии 1951 г. по поводу проекта учебника по политической экономии. Высказанные им в этой работе положения легли в основу всех последующих учебников, издававшихся в стране.

В данной работе, если непредвзято и спокойно ее прочесть, можно увидеть и логические противоречия, и непоследовательность по ряду фиксируемых позиций, и очевидно политизированный, то есть ориентированный на субъективно понятые задачи момента, характер. Тем не менее, взятая как единое целое, она, несомненно, представляет собой определенное теоретическое достижение и содержит набор характерных черт, отражающих специфику российской экономической мысли.

Первая характерная черта – объективистская парадигма восприятия происходящих в обществе процессов. Политическая экономия социализма, базирующаяся, как это декларировали ее основатели и последователи, на философии исторического материализма, четко заявляет, что «законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей» (45), и никакие руководители или Советское государство не могут их отменить. Эти законы нельзя смешивать с законами, которые издают правительства, которые создаются людьми и имеют лишь юридическую силу. Экономические законы Сталин отождествляет с законами природы, познание которых позволит применить их на пользу человечеству. Он пишет, что «... законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, ... но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы» (46). Эта мысль повторяется им неоднократно: «Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить» (47).

Материалистическая обусловленность происходящих социальных процессов, признанная в политической экономии социализма важнейшим постулатом, выражается также законом об обязательном соответствии производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, заявленному еще Марксом.

Вторая особенность российской экономической мысли, представленная в политической экономии социализма - рассмотрение общества как единства экономики, политики и идеологии. Этот социологический взгляд напрямую отражен в названии учения и содержится в его основных положениях. Действительно, в отличие от других «политических экономий» здесь речь идет об обществе с определенной социальной идеей, а именно, идеей социализма. Эта идея составляет один из составных элементов концепции, ее неотрывную часть. Если «духовная политическая экономия» Ивана Посошкова опиралась в идеологическом отношении на православие, то ее «наследница» XX века заменила религиозную идею научной, что отражало закономерности времени.

Само представление об изучаемом в политической экономии социализма объекте – обществе, также включает в себя экономические, политические и идеологические компоненты. Экономические отношения в этой теоретической модели образуют так называемый базис общества, а политические и идеологические – его надстройку. Соответственно, надстроечные отношения определяются базовыми. Крылатые ленинские

выражения «Политика есть концентрированное выражение экономики» или «Коммунизм [идея – С. К.] есть Советская власть [политика – С. К.] плюс электрификация всей страны [материальная база – С. К.]» образно и четко отражают эту связь.

Нельзя не отметить, что осознание единства экономической, политической и идеологической сфер в советской политэкономии социализма, по сравнению со взглядами Посошкова, становится более глубоким и зримым. Это выражается в фиксировании многообразных связей между ними, констатации их взаимообусловленности, введении и разработке понятий, выражающих эти связи. Так, развитие концепции коммунистической партии (при всех достижениях и заблуждениях ее разработчиков), задачей которой является обеспечение соответствия между тремя названными сферами, является одним из таких примеров (48).

Наконец, социологический подход выражает себя и в том, как понимается в политической экономии социализма основной экономический закон. Для рыночных экономик основным законом - это было зафиксировано Марксом, является максимизация прибыли, другими словами, он относится к экономической сфере как таковой, действует «внутри» нее. В отличие от этого, формулировка основного экономического закона социализма – «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» (49), (если абстрагироваться от декларативного характера его воплощения) содержит в себе попытку перейти от экономических терминов к социальным. Экономика здесь явно предстает как один из составных общественных элементов, который действует по законам этого общественного целого, выступающего по отношению к экономике «внешней» силой.

Третья особенность российских экономических теорий также характерна для политической экономии социализма. Речь идет о направленности исследований на законы развития общества как целого, на анализ поведения больших групп людей в противовес анализу моделей индивидуального поведения. Такой подход, характерный для главного источника политэкономии социализма – марксизма, лег в нашей стране на благодатную почву, поскольку соответствовал самому духу, размаху и стилю российского мышления. «Хочешь иметь дело с марксизмом, - говорил Сталин, - имей одновременно дело с классами, с массой...» (50). Более того, в политической экономии социализма категориями анализа являются уже не столько классы, как это было у Маркса, сколько «общественные силы» с единым общественным интересом. Поэтому исследовательской и, соответственно, практической задачей является не столько анализ противоположностей между социальными группами, например, между городом и деревней или умственным и

физическим трудом, но выявление общего в них. На наш взгляд, здесь очевидна попытка рассмотреть все общественное население как единое целое, реализовать холистический подход к социальной сфере. В отличие от тезисов Маркса о классовой борьбе как источнике социального развития, политическая экономия социализма, развиваемая в традициях российской экономической мысли, пытается выявить источники общественного согласия, коллективного начала, обеспечивавшего выживание огромной страны в непростых условиях. Социалистическая идея представлялась в данном случае таким возможным источником социального консенсуса.

Наконец, четвертая особенность, характеризующая политэкономия социализма как преемницу российской традиции экономической мысли, – это выявление и описание законов «другой экономики». Собственно говоря, это и составляет само содержание политической экономии социализма. Большинству экономистов нашего и старшего поколений эти законы хорошо известны из учебников, по которым мы учились. Тем не менее, для цельности изложения мы на них остановимся.

Главным отличием хозяйственной системы социализма, доминировавшей в СССР, от других систем, называемых в этом дихотомическом ряду «капиталистическими системами», является общественная собственность на средства производства. Она противостоит институту частной собственности, характерному для рыночных экономик «несоциалистических» стран. Соответственно, в такой системе отсутствует наемный труд в марксистском его понимании, и связанная с ним, как полагали сторонники политэкономии социализма, система эксплуатации. Соответственно, закону конкуренции противостоит закон планомерного пропорционального развития производства, который «возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме». (51).

Выявление особенностей социалистической экономики, понимание ее собственных законов, к которым относятся упомянутые закон развития общественной собственности и закон планомерного и пропорционального развития, а также закон о непосредственно общественном характере труда при социализме - преимущественное, но не единственное направление исследований экономической реальности, проводимых в рамках политической экономии социализма.

Другим не менее интересным фокусом анализа является специфика проявления экономических отношений из «капиталистических экономик», которые действуют сохраняются в условиях доминирования социалистической общественной системы. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, в политической экономии социализма признается сам факт сосуществования «социалистических» и «капиталистических элементов», вызванный, как полагали теоретики того периода, исторической необходимостью. Это касается и наличия товарного производства при социализме, и необходимости развития советской торговли, и важности категорий рентабельности, цен и т.д.

Во-вторых, политическая экономия социализма обозначает «чужеродные» рыночные формы как дополнительные инструменты, действие которых ограничено рамками базовых экономических отношений. Так, товарное производство в СССР «поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации» (52). А сфера действия закона стоимости «ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства» (53). Также и рентабельность в рамках закона планомерного развития производства существует как дополнительный инструмент оценки народнохозяйственной эффективности. Неправильно полагать, пишет Сталин, что «закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно» (54). Рентабельность используется при оценке и отдельных предприятий и отраслей производства, и для оценки уровня эффективности народного хозяйства в целом.

В-третьих, отмечается модификация рыночных элементов, действующих в условиях социалистического хозяйства. Хотя зачастую они сохраняют те же названия, сущность их в условиях социалистических отношений, становится иной. В анализируемой работе читаем: «...наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, ... которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства» (55). Здесь «новое [«социалистическое» – С. К.]..., проникает в старое [«капиталистическое» - С. К.], меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем» (56). Таким образом, констатирует Сталин, «от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же, они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства» (57). При этом не всегда метаморфозы

«капиталистических» элементов, внедряемые в практику социалистического строительства и объективно его поддерживающие, замечаются теоретиками. Например, так произошло с конкуренцией, которая была отвергнута на макроуровне, но внедрена в микроэкономике под видом соцсоревнования и дала ей импульсы для развития. Как отмечает в этой связи Сталин, «до начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом...» (58).

Итак, подытоживая этот краткий анализ политической экономии социализма, полагаем возможным согласиться с тем, что она представляет собой оригинальный и характерный образец российской экономической мысли. В ней нашли свое отражение и получили дальнейшее развитие такие характерные ее черты, как объективистская парадигма, социологичность и холистический подход к анализу экономических процессов, а также формулирование специфических законов, характеризующих хозяйственную жизнь России.

4. Теория институциональных матриц

К концу XX века мировая экономическая наука, которая до этого все более обособлялась, специализировалась и математизировалась, вдруг стала осознавать собственные ограничения. Это выразилось в росте неудовлетворенности классическими концепциями так называемого «мэйнстрима» и в привлечении экономистами подходов и категориального аппарата из других, смежных или далеких наук. Стали складываться такие направления, как эволюционная экономика, институционализм и нео-институционализм. Для последних характерно использование подходов, понятий и методов, развитых в социальных науках, преимущественно в культурной антропологии, политологии и социологии.

Российское обществоведение, несмотря на сложный трансформационный период в развитии страны, оказалось активно вовлеченным в этот процесс. Тенденции, характерные для мировой науки, проявились и в развитии российской экономической мысли. Выражением этих тенденций можно считать выдвижение и апробацию гипотезы об институциональных матрицах, которая представляет собой результат теоретических экономико-социологических исследований. Монография автора (59), в которой подробно изложена данная теоретическая гипотеза (теория), рассматривается в настоящей главе в качестве третьей анализируемой работы. Задача заключается в том, чтобы определить, как представлены и развиты в ней названные выше особенные черты российской школы экономической мысли.

Первая в этой совокупности черт – сложившийся образец рассуждений, обозначенный как объективистская парадигма. Именно такой способ осмысления социальной и экономической действительности реализуется в рассматриваемой работе. Обосновывая гипотезу об институциональных матрицах, автор прямо указывает на объективистскую парадигму как на главную теоретическую предпосылку исследования (60). Общество при таком подходе понимается как реальность *sui generis* (как она есть), на чем настаивал классик социологии Э. Дюркгейм. Общества, - писал он, – это «реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам....Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины (61). Человек может стремиться познать закономерности этого порядка и действовать в соответствии с ними, как, например, он действует с пониманием того, что объективно существует сила тяжести, с которой нельзя не считаться. Таким образом, в отличие от западных теорий старого и нового позитивизма, далеко не всегда следовавших Дюркгейму, теория институциональных матриц одновременно и реализует подход Дюркгейма, и продолжает российские традиции исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей.

Другая особенность авторского подхода, также характерная для российских экономических теорий, – это рассмотрение общества как целостного, неразделимого образования, как единого организма. «Социологическое воображение» автора представляет общество в единстве трех его основных проекций, в своеобразной системе координат – экономических, политических и культурно-идеологических (Рис. 1).

Рис. 1. Схема рассмотрения общества в системе экономических, политических и идеологических координат

Эта схема показывает, что в фокусе авторского рассмотрения любое социальное действие, или общественный процесс, которые, по сути, являются едиными, целостными, могут анализироваться в названных проекциях в зависимости от разных исследовательских задач, как:

- **экономические**, то есть связанные с получением ресурсов для воспроизводства социальных субъектов,
- **политические**, то есть определенным образом организованные, упорядоченные и управляемые, ориентированные на достижение определенной цели,
- **идеологические**, то есть реализующие определенную идею, те или иные значимые для общества ценности, что отличает социальную деятельность человека от животных.

Этот «триединый» взгляд и составляет суть теоретического представления автора о структуре общества, в котором экономика, политика и идеология, являясь частями одного целого, зависят друг от друга и, в конечном счете, друг друга определяют. Поэтому связаны между собой действующие в экономической, политической и идеологической сферах институты – основной предмет исследования в теории институциональных матриц.

Очевидно, что институты - это сложно устроенные функционально дифференцированные системы, имеющие различные элементы и составляющие. В

анализируемой концепции основной интерес направлен на выявление стабильной составляющей институтов. С этой целью вводится понятие «базового института», характеризующего исторически устойчивые, инвариантные по отношению к действиям отдельных акторов постоянно воспроизводящиеся в практике социальные отношения (62). Базовые институты образуют остов, скелет общества, они задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий.

Устойчивое сочетание базовых институтов образует институциональную матрицу (63) общества. Матрица в переводе с латинского означает «матку», основу, первичную исходную модель, форму, порождающую дальнейшие последующие воспроизведения чего-либо. Соответственно, институциональная матрица общества означает первичную модель связанных между собой экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии. Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой, тем не менее, сохраняется. Это означает, что институциональная матрица инвариантна относительно действий людей, хотя проявляется в различных, постоянно развиваемых в ходе человеческой деятельности, институциональных формах, обусловленных культурным и историческим контекстом.

Итак, в рассматриваемой работе основное внимание уделяется изучению устойчивых, существующих как рамки для социального поведения, глубинных общественных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития государств. Здесь институциональные структуры обладают приоритетом — онтологическим и методологическим — перед акторами. Исследование направлено на изучение этих исторически сложившихся структур, определяющих социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. Поэтому, на наш взгляд, можно с полным основанием говорить о том, что в исследовании институциональных матриц реализуется и третья из отмеченных особенностей российской школы экономической мысли - холистический подход, упор на анализе общественных структур, а не действий отдельных людей.

В рассматриваемой концепции выделяется два идеальных типа качественно различных институциональных матриц, агрегирующих в себе реальное многообразие социальных связей общества – X и Y-матрицы (64). Они отличаются комплексами образующих их базовых институтов (Рис. 2).

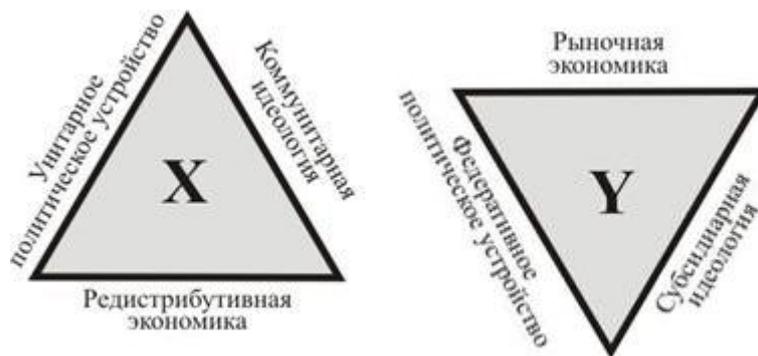

Рис. 2. Различие X- и Y- матриц

Для X-матрицы характерны такие базовые институты:

- в экономической сфере — *институты редистрибутивной экономики* (термин К. Поланьи). Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- в политической сфере — *институты унитарного политического устройства*;
- в идеологической сфере — *институты коммунитарной идеологии*, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей над индивидуальными, приоритете Мы над Я.

X-матрица характерна для России, большинства стран Азии и Латинской Америки.

Y-матрица имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере — *институты рыночной экономики*;
- в политической сфере — *институты федеративного политического устройства*;
- в идеологической сфере — *институты субсидиарной идеологии*, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер, то есть в идеологических институтах закрепляется приоритет Я над Мы.

Y-матрица характеризует общественное устройство большинства стран Европы и США.

В рамках этого подхода автор выделяет два альтернативных типа хозяйственных систем, характеризующихся доминированием качественно различных экономических институтов (65). Сопоставление этих институтов показано на Рис. 3.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА

ИНСТИТУТЫ редистрибу- тивной экономики X-матрицы	ФУНКЦИИ институтов	ИНСТИТУТЫ рыночной экономики Y-матрицы
Общая собственность	Организация отношений собственности	Частная собственность
Служебный труд	Привлечение к труду	Наемный труд
Координация	Взаимодействие хозяйствующих субъектов	Конкуренция
Редистрибуция (аккумуляция- согласование- распределение)	Способы воспроизводства благ	Обмен (купля- продажа)
Пропорцио- нальность	Сигналы обратной связи	Прибыль

Рис. 3. Базовые институты
редистрибутивной и рыночной экономики

Основное отличие редистрибутивных и рыночных экономик – в главном воспроизводственном отношении, которое дало название и тем, и другим. Это отличие между рынком и редистрибуцией. Имеет смысл специально их охарактеризовать, чтобы точнее пояснить сущность «другой экономики», сложившейся и развивающейся в России на протяжении столетий. Схематично различие главных регулирующих эти экономики процессов - процесса редистрибуции и процесса обмена - представлено на Рис. 4.

В рыночной экономике процесс горизонтального взаимодействия в формах *купли и продажи* выступает основным, главным, что и показано жирной стрелкой, соединяющей субъектов *A* и *B* в модели обмена. Пунктирные стрелки обозначают опосредованные связи рассматриваемых субъектов с другими участниками рынка. Эти связи выражаются в том,

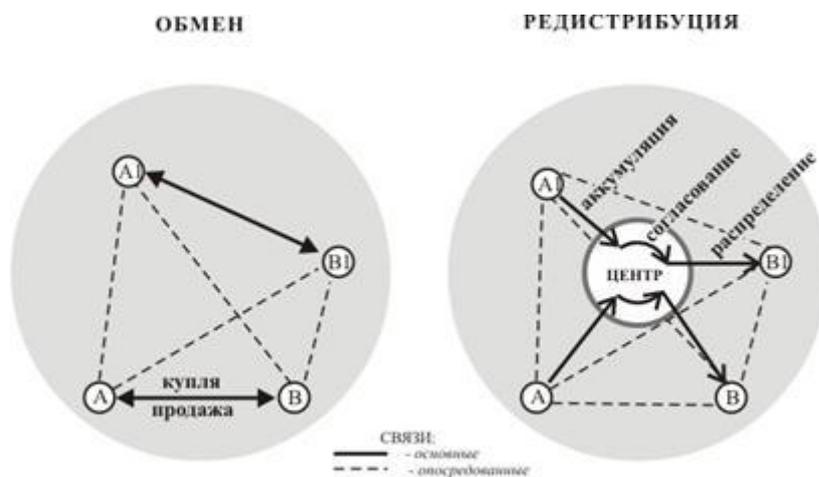

Рис. 4. Схема отношений между хозяйствующими субъектами в моделях обмена и редиистрибуции

что условия сделок между конкретными субъектами определяются складывающейся рыночной конъюнктурой, то есть уровнем цен, издержек, наличием аналогичных и альтернативных товаров и др.

В редиистрибутивных экономиках процесс взаимодействия между субъектами A и B является следствием процесса *согласований*, осуществляемого на уровне Центра и обусловленного процессами *аккумуляции* и *распределения* ценностей и услуг. Поэтому названные процессы обозначены жирными стрелками, подчеркивающими главное содержание отношений редиистрибуции, а непосредственные контакты между хозяйствующими субъектами в этом контексте – пунктирными стрелками, акцентирующими внимание на вторичности, обусловленности этих отношений.

В качестве примера, иллюстрирующего такой тип отношений, можно привести действие так называемого «рынка электроэнергии» в современной России. На уровне федерального Центра для обеспечения этой деятельности создан ФОРЭМ (Федеральный оптовый рынок энергетических мощностей). Его задачей является аккумуляция (не в физическом, конечно, смысле, а в информационном) объемов энергии, производимой АЭС, теплостанциями, ГЭС и другими предприятиями, а также суммирование потребности в энергии у различных потребителей (регионов, предприятий). На основе согласования этих объемов специальными комиссиями регионального и федерального уровня определяется структура тарифов на электроэнергию и тепло, включающая цены на те или иные виды энергии, дифференцированные для разных групп производителей и потребителей. Итогом согласительных процедур является распределение энергии, т. е. определение цепочек производителей и потребителей и фиксирование объемов распределяемой энергии. Другими словами, на основе цикла редиистрибуции формируется множество подходящих пар субъектов A , $A1$ и B , $B1$, – в данном случае поставщиков и потребителей энергии, взаимодействующих на основе предписанных в ходе согласования правил, но по сути

обеспечивающих аккумуляцию энергии и потребление распределенной энергии в рамках общего так называемого «рынка энергетических мощностей».

В реальных экономиках рыночные и редистрибутивные институты действуют одновременно, находятся в противоречивом единстве, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом. В то же время, несмотря на комбинацию в экономике институтов и институциональных форм и того, и другого рода, сущность и основное содержание институциональной структуры хозяйства определяются теми экономическими отношениями, которые носят господствующий, доминирующий характер, то есть базовыми, свойственными его институциональной матрице, институтами. Институты из другой экономической системы имеют комплементарный (бб), дополнительный характер, обеспечивая необходимое институциональное равновесие.

Итак, можно констатировать что развитие понятийного аппарата современных институциональных теорий позволяет на новом уровне описать особенности естественно сосуществующих экономических систем - рыночных и редистрибутивных, к которым относится Россия. Анализ характера базовых экономических институтов, обеспечивающих функционирование таких экономик, продолжает традиции широкого, «институционального» анализа хозяйственной жизни, заложенного в российской экономической теории. Преимущество обеспечивается и институциональным анализом «другой экономики», составляющим ядро российской школы экономической мысли. Выявление и характеристика базовых институтов российской экономики, имеющих собственную специфику, продолжает и дополняет исследования, результаты которых представлены в двух прежде проанализированных предыдущих работах. Одновременно исследование «другой экономики» получает здесь новую детализацию и дополнительное историческое и методологическое обоснование.

5. Эволюция и перспективы российской экономической школы (вместо выводов)

Специфика российской школы экономической мысли, представленная нами на выборке из трех работ, проявляется, конечно, не только в них. Во многих трудах российских обществоведов разных веков можно увидеть – в более или менее явной форме – названные черты. Частично они отражают особенности национальной культуры и способ теоретизирования наших ученых. Так, в филологии в этом случае говорят о русском академизме, в философии - о русском космизме, в культурологии – о широте русской души, и т.д. В экономической науке эта особенность реализуется в выходе за

пределы узко понимаемого предмета, в рассмотрении экономики как части социального мира, принимаемого с его законами и несовершенствами. В занятиях экономической наукой русский, то есть живущий в России, человек, очень часто реализует свое холистическое мировоззрение, считая необходимым рассуждать о проблемах общественного устройства в целом. Вот, например, как характеризовал только что появившуюся в России XVIII в. экономическую науку историк Николай Полевой: «Политическая экономия есть одна из тех наук, которые быстрее других развивают здравые понятия о сущности гражданских обществ и приводят нас к истинной стезе общественного счастья» (67).

Иностранцы также не раз отмечали, что в словосочетании «политическая экономия» русские всегда делали упор на слове *политическая*. Политический и, более того, социальный аспекты экономической мысли, по их мнению, всегда приобретали у нас особое значение. В книге немецкого ученого, писавшего в 20-х годах XX века, Х. Ю. Серафима, читаем: «Это характерно для русского национального характера, что в политической экономии, когда и поскольку она самостоятельно разрабатывается русскими, на первый план выдвигается социальный момент» (68).

А теперь отвлечемся от исторического ракурса и посмотрим на развитие российской экономической мысли совершенно с других сторон. Одна из них – сугубо внутренняя, касающаяся того, как складывались методология и категории российских экономических теорий. Другая сторона – внешняя, определяющая последствия экономических теорий для социальной практики.

Первое наблюдение касается того, как формировался понятийный аппарат российских экономических теорий. Об этом вряд ли можно судить по работе Посошкова, которая является, скорее, предтечей последующих исследований и вызовом будущим российским теоретикам. Но в политической экономии социализма и теории институциональных матриц замеченная нами тенденция проявляется в полной мере.

Она состоит в том, что изначально понятия и схемы, на основе которых анализируется затем российская социально-экономическая реальность, поступают извне. Они берутся либо как уже готовые доктрины (марксизм для политэкономии социализма) или первичные образы-понятия (как в теории институциональных матриц, начавшейся с термина К. Поланьи и Д. Норта). Затем эти понятия и схемы осмысливаются в традициях нашего мышления, соотносятся с реальными фактами российской действительности, модифицируются, развиваются – и в результате получается оригинальное произведение, лишь реминисцентно напоминающее первоисточник. Посмотрим, например, на известный Собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Наметанный глаз уловит здесь

и очертания татарской шапки, и готический шпиль, и запрятанные секреты создания куполов итальянских мастеров – но все вместе – «оригинальная российская разработка», неоспоримый шедевр русской архитектуры. Не является ли этот образ парадигмальным для российской экономической теории, и не только для нее?

Другой момент, на который бы хотелось обратить внимание, явно иллюстрируют все представленные в настоящей главе работы. Он касается изменения возможного позиционирования России во внешнем мире вследствие тех или иных экономических воззрений. Поясним, о чем идет речь.

Работа Посошкова, реформатора и одновременно приверженца «московской старины», крепкого купца и зажиточного человека, призывает к наведению в России порядка. При выборе мер он исходит из самодостаточности и мощи России. Посошков полагает возможным на собственной материальной и духовно-нравственной основе развить все необходимые производства и институты. В его предложениях находим и призыв на годы воздерживаться от заморской торговли, если цены нам не понравятся, и предложения развить у себя все те производства, - полотняные, стеклянных товаров и пр., товары которых мы вынуждены завозить, и критику иноземных правил экономической политики, например, скепсис в отношении цены денег как «цены содержащегося в них металла». Если обобщить его взгляды, то их можно назвать изоляционистскими – «Мы, мол, сами с усами», и, выражаясь современным языком, заграничные «институциональные формы» нам не нужны.

Посмотрим теперь на политическую экономию социализма. Здесь принципы российского общественного устройства – а в тот период это социалистическая система - также полагаются единственно верными, то есть абсолютно социально справедливыми. В то же время признается необходимость и целесообразность функционирования «капиталистических форм», но в модифицированной форме и временно, поскольку они являются «наследием и пережитками». Названные принципы находят свое логическое продолжение в необходимости мировой социалистической революции, которая справедливые нормы утвердит повсюду, а «пережитки» перестанут существовать, поскольку основа их воспроизводства - капиталистическая система - исчезнет. Такая концептуальная схема, сама по себе последовательная, хотя и ограниченная, порождала практические следствия в виде агрессивной внешней политики Советского Союза, особенно на первых этапах.

Другими словами, Россия Посошкова - это прогрессивно развивающееся на своей собственной основе государство, которое замкнуто в своих границах и привычках, которое само по себе Вселенная, как образно выражаются российские философы. В то

время как Россия Сталина – это центр мирового государства, мировой социалистической системы, это Россия, заполонившая весь мир, всю Вселенную, содействующая повсюду установлению справедливых, по ее мнению, порядков.

Какие же следствия для позиционирования России в мире могут вытекать из современной нам теории институциональных матриц? Итак, в ней признается, что сложившееся в России социально-экономическое устройство, ограничения и контуры которого определяются природой свойственной нам институциональной X-матрицы, является для страны естественным, как и для многих других «незападных» стран. Точно также, как для «западных» стран, формировавшихся в иных материально-технологических условиях, естественными являются порядки, базирующиеся на институциональной Y-матрице. Альтернативные институциональные Y-формы, имеющие комплементарный характер, играют в нашей X-экономике чрезвычайно важную роль, и их надо развивать в тех пределах, когда они способствуют развитию, а не распаду институциональной структуры. Аналогично в странах с Y-экономикой полезны институциональные X-формы, которыми они заполняют market failures (провалы рынка).

Если процессы будут развиваться естественно, то можно предполагать укрепление контактов (вплоть до интеграции) между странами, характеризующимися одним типом институциональной матрицы. Выражением этой тенденции служат расширение рамок Евросоюза (без участия России) или создании различных объединений в азиатской и юго-восточной частях мира (с участием России).

В то же время возрастает целесообразность обмена и сотрудничества стран с разным типом институциональной матрицы, поскольку это позволяет и тем, и другим увеличивать темпы развития за счет получения «готовых» комплементарных элементов, поддерживающих институциональный баланс в обществах.

Подытоживая сказанное, можно сказать, что маятник следствий российских экономических теорий, который из одного крайнего положения (изоляциялизм) качнулся в другое крайнее положение (мировая экспансия), теперь возвращается к спокойному центру. Ему соответствует осознание того, что Россия, как и другие страны – это одна из возможных естественных реализаций хода исторического развития, не лучше и не хуже других. Она заинтересована во взаимообмене с другими государствами, чтобы расширить и разнообразить свой путь в границах того эволюционного коридора, по которому она развивается. И готова поделиться этим своим пониманием с другими.

2. **Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного Экономического Общества России**, т. 12 (37). 2003.
3. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений в десяти томах. М.: Художественная литература, 1974-1978. Т. VI, с. 229-230.
- 4... **Блок А. А.** Возмездие (1991).
- 5 **Кирдина С. Г.** Импорт концепций, прежние подходы или новые самостоятельные теории? (О состоянии фундаментальных исследований в российской социологии) // СОЦИС, 2001, № 8, с. 35-40
6. Подробнее см. **Кирдина С. Г.** Позволяют ли новые институциональные теории понять и объяснить процессы преобразований в современной России? // СОЦИС, 2001, № 3, с. 136-140;
7. **Большая советская энциклопедия (БЭС)**. – М.: Советская энциклопедия. 1953 2-е изд. Т. 18, с. 239.
8. Наиболее интересными в этом направлении являются работы В. М. Полтеровича. См., например **Полтерович В. М.** Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, № 3, 2001, с. 24-50.
9. **Радаев В. В.** Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3. Радаев, с. 113. См. также работы В. Л. Тамбовцева и А. П. Шаститко.
10. Там же, с. 111.
11. **Заславская Т. И.** Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект. /Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы.
12. **Бессонова О.Э.** Раздаток как нерыночная система // Известия СО РАН. Сер. Регион: экономика и социология. 1993. Вып. 1; **Бессонова О.Э.** Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997; **Бессонова О. Э.** Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999, и др.
13. **Кирдина С.Г.** Об институциональной матрице России. В сб.: Эволюционная экономика и «мэйнстрим» / Под общ. ред. Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2000, с. 254-266; **Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000; **Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд., пер. и дополн.). Новосибирск: СО РАН, 2001.

14. **Ильин М. В.** Программа дисциплины «Сравнительная политология». Тема 10. Цельносистемные сравнения: ... «Институциональные матрицы Кирдиной».. – М.: МГИМО МИД РОССИИ, 2001, с. 4.
15. Так, авторы, критически оценивающие некоторые положения и выводы из теории институциональных матриц, пишут: «Такое подробное изложение теории С. Г. Кирдиной необходимо для того, чтобы показать законченность и целостность этой теории» - **Кузьмин В., Эйдельман Я.** Базовые социальные институты в человеческом измерении //Общество и экономика, № 6, 2001, с. 10.
16. Как заметил при обсуждении концепции институциональных матриц профессор В. А. Ядов, «эта работа, выращенная в России. Такая теория не могла "родиться" на Лазурном берегу, где родился постмодернизм.... Кто мог бы придумать про эти матрицы на фоне теорий постмодернизма, в иной социальной реальности? У них один говорит о риске, другой говорит о свободном обществе. Но вот русские зажаты в эти матрицы реально в своей истории. Вот русский ученый и придумал, что есть матрицы. Мы их чувствуем просто. Это, я думаю, и подталкивает теоретика рассуждать, что же такое есть наше общество, прежде всего. Ну, а заодно идут размышления и о других аналогичных обществах, которые потом обозначены здесь как имеющие X-матрицу. Но в принципе-то это боль о нашем обществе. (Стенограмма заседания Диссертационного совета Д.002.0П.ОИ от 27 февраля 2002 года, с. 25). .
17. **Н. Павлов-Сильванский.** Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб. 1897. Цит. по: Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова. Редакция, вступительная статья и примечания Б. Б. Кафенгауза. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937, с. 42.
18. С. 270 (Здесь и далее ссылки и цитаты даются по изданию: «**Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова**». Редакция, вступительная статья и примечания Б. Б. Кафенгауза. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937).
19. Цит. соч., с. 101.
20. Цит. соч., с. 111.
21. Цит. соч., с. 162.
22. Цит. соч., с. 72.
23. Цит. соч., с. 163.
24. Там же.
25. Цит. соч., с. 165-166.
26. Цит. соч., с. 65.
27. Цит. соч., с. 254.

28. Цит. соч., с. 259.
29. См., например, Предисловие Кафенгауза в цит. книге, с. 67.
30. Цит. соч., с. 198.
31. Цит. соч., с. 210.
32. Цит. соч., с. 196.
33. Цит. соч., с. 295.
34. Цит. соч., с. 54.
35. Цит. соч. с. 302.
36. Цит. соч., с. 198.
37. Цит. соч., с. 193.
38. Цит. соч., с. 53.
39. Цит. соч., с. 56.
40. Цит. соч., с. 313.
41. **Андрюшин С. А.** Философия денег России. // Деньги и регулирование денежного обращения. Научный альманах фундаментальных и прикладных исследований. М.: Финансы и статистика, 2002, с. 207.
42. Цит. соч., с. 283.
43. Цит. соч., с. 267.
44. Здесь и далее цитаты будут приводится по работе: **И. В. Сталин.** Экономические проблемы социализма в СССР. Участникам экономической дискуссии. Замечания по экономическим вопросам, связанные с ноябрьской дискуссией 1951 года. / Слово товарищу Сталину. - М.: Изд-во Эксмо, 2002, с. 219-.301.
45. Цит. соч., с. 219.
46. Цит. соч., с. 221.
47. Цит. соч., с. 225.
48. Специфика методологического подхода российских исследователей ярко проявляется при сравнении этой концепции с учением о партиях, разрабатываемым в зарубежной политической социологии, зародившейся в США в 1950-е годы
49. Цит. соч., с. 253.
50. Слово товарищу Сталину, с. 474.
51. Цит. соч., с. 224.
52. Цит. соч., с. 231.
53. Цит. соч., с. 238.
54. Цит. соч., с. 239.
55. Цит. соч., с. 232.

56. Цит. соч., с. 264.
57. Цит. соч., с. 265.
58. Цит. соч., с. 242.
59. Здесь и далее будут приведены ссылки на работу: **Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
60. Цит. соч., с. 29.
61. **Дюркгейм Э.** Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. Составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995, с. 269.
62. **Кирдина**, цит. соч., с. 47-48.
63. Собственно идея институциональной матрицы – основного предмета данной теории – базируется на работах Карла Поланьи и, прежде всего, Дугласа Норта, впервые употребивших этот термин. Ими впервые были высказаны предположения о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую веер возможных траекторий его дальнейшего развития. См.: **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997, с. 147-148; **Polanyi K.** The Livelihood of Man. New York. Academic Press, Inc, 1977, p. xxxii.
64. **Кирдина**, цит. соч., с. 62-65.
65. Цит. соч., с. 109-117.
66. Цит. соч., с. 117-122.
67. **Полевой Н.** Московский телеграф. 1827. Ч. XIII. № 2. с.119-120 (первая пагинация).
68. **Serafim H.** Neuere russische Wert – und Kapitalzinstheorien. Berlin und Leipzig, 1925, s. 47. См. также **Normano J.** The Spirit of Russian Economics. N.Y., 1945, p.19.